

Мы продолжаем рассказывать о замечательных педагогах, подвижниках образования и культуры. Одним из таких педагогов, безусловно, является Олег Михайлович Кузнецов, интервью с которым мы предлагаем нашим читателям.

О.М. Кузнецов — главный хормейстер Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, старший преподаватель кафедры дирижирования и хорового пения Московского педагогического государственного университета

«В самодеятельном или в профессиональном хоре, главное — личность руководителя»

Корр.: Олег Михайлович, Ваша жизнь связана с музыкой. Вы — хормейстер, главный хормейстер. То, что Вы занимаетесь музыкой, — это призвание или случайность?

О.М. Кузнецов: Трудно сказать. Наверное, и то, и другое. Я стал заниматься хоровой музыкой с семи лет: хоровая капелла, училище, консерватория. Я как-то не помню себя вне этого занятия. Ну, были увлечения, как у всех ребят, но профессионально занимался только этим.

Корр.: Каким Вы видите современное состояние музыкального образования? Что надо делать, чтобы оно было лучше?

О.М. Кузнецов: Музыкальное образование — слишком широкая тема. Мне надо говорить скорее о хоровом образовании. Тут беда. По старому большевистскому принципу было все разрушено до основания. В дореволюционной России существовала очень хорошая синодальная система, которая готовила и певцов, и хоровых дирижеров для церковной службы. Такие имена, как Голованов, Александров, Свешников, Данилин, Чесноков — это все выпускники синодальных училищ. Государственный Гимн написал выпускник синодального училища. С одной стороны, была уничтожена база, на которой органично готовились кадры, с другой — была попытка подогнать хоровое искусство под идеологию. Если мы вспомним все праздники, то на них демонстрировалось всенародное пение. Как результат — ребенок с детства это воспринимал как фальшь. Ребенок, раз обманутый, второй раз этого делать не будет. Мы теряли кадры.

Дальше. Вся образовательно-хоровая система, которая существует, готовит дирижеров и выпускает

человек 100 ежегодно по Москве. Написано в дипломе: дирижер хора. Возникает вопрос, зачем их столько. Когда это все закладывалось в учебные планы — было понятно: партия и правительство хотели, чтобы весь народ пел, желательно, патриотические песни. И в клубе, и в пионерском лагере. Это было неправильно задумано и неправильно сделано. В итоге — мы не имеем ни того государства, в котором все это планировалось, ни хорошего хорового образования. Вместо того, чтобы готовить профессиональных артистов хора, выпускали дирижеров. Практически в любом хоровом коллективе есть вакансии, нет профессиональных певцов. Мы продолжаем готовить дирижеров для несуществующих хоров. Готовятся кадры для высшей и средней школы, чтобы воспитывать еще дирижеров. Замкнутый круг. Существует консерваторская практика подготовки дирижеров оркестра. Конкурс 3 или 2 человека, но не 18. Хотя в Москве профессиональных оркестров немало.

Синодальная система была построена на правильной идее. Ребенок обучался пению с раннего возраста. Закончив курс, становилось ясно, кто он. Он мог по своим данным остаться церковным певчим. Но, если бог дал талант, он мог продолжить свое обучение. Поэтому были прекрасные результаты. Получив базу, можно совершенствоваться дальше.

Была попытка реанимировать эту систему путем создания хоровых училищ в Москве, Питере, Нижнем Новгороде. Но, очевидно, тех кадров, которые они готовят, недостаточно, да и идея, на которой они строятся, не совсем понятна. Может стоит созвать форум из действующих, практикующих хормейстеров, обсудить этот вопрос, подумать на эту тему. Если нет последо-

вательности традиций, системы воспитания хорового певца, не будет и самого певца. Будет то, с чем мы сегодня сталкиваемся. Мы берем выпускника музыкального училища со специальностью вокалист, он имеет голос, но не умеет им пользоваться, приходится на ходу обучать. Но они не всегда горят желанием учиться.

Корр.: Что для Вас музыка?

О.М. Кузнецов: Музыка — это когда не хватает слов, чтобы выразить свои чувства, или не нужно слов, или слова становятся грубыми посредниками.

Слово — знак, а музыка формирует настроение, эмоции, чувства. Восприятие одной музыки разными людьми отлично (я не говорю о свадебном марше Мендельсона или о похоронном марше Шопена). Каждое поколение открывает что-то новое в музыке, эта категория не столько философская, сколько чувственная. Мы формируем художественный образ через чувства, через ощущения. Мы поем со студентами музыку XVI века, им интересно. Хотя XVI век в 16–17 лет, наверно то же, что и III век до н.э.

Корр.: Непрофессионалы судят о музыке по узнаваемым темам, образам...

О.М. Кузнецов: Ну, надо определиться с понятиями «тема» и «образ». Если берем общехудожественные понятия *тема* и *образ*, то вполне естественно, что есть вечные темы: любви и т.д. Сколько на них написано песен, популярной музыки. А если мы говорим о заимствовании тем в произведениях музыкальных, то оно бывает разным. Одно — общехудожественное, второе — на уровне уголовного. Опять-таки, все зависит от талантливости. Слушателю не очень интересно, в какой тональности написано произведение, как оркестровано и что нового внес композитор. Слушатель идет не за этим. Ему интересен художественный образ, который созвучен его внутренним ощущениям. Технические средства всегда останутся лишь средствами. И в музыке, и в живописи, и в литературе.

Корр.: Какую музыку Вы слушаете для себя?

О.М. Кузнецов: Любую, если она талантливая. Дело не в жанре, а что автор вложил в нее и насколько его мысли и чувства созвучны слушателям. Ни для кого не секрет, что у нас сотни серьезных композиторов, которые пишут бездарную музыку, ее слушают очень серьезные критики и больше никто. Всем, в то же время, известен феномен джазовой музыки, феномен «Битлз», всемирно принятый. Время доказало, что эта музыка талантлива.

Корр.: Какая музыка талантлива? Можно это объяснить или это интуитивно?

О.М. Кузнецов: Прежде всего, критерий талантливости — время. То, что со временем не теряет актуальности, не умирает или воскресает. Как музыка Баха, которая 100 лет была в забвении, и только через 100 лет после смерти композитора она обрела жизнь. Че-

ловечество должно было дорасти, понять, быть готовым воспринимать.

Пройдет какое-то время и, я думаю, будут открываться имена, о которых мало кто знал.

Корр.: Вы работаете в театре. Шекспиру приписывают слова «весь мир — театр, и люди в нем — актеры». Вы с этим согласны?

О.М. Кузнецов: То, что с таким трудом нарабатывается на репетициях, иногда видишь гениально разыгранным в метро.

Мир — театр, люди в нем — актеры. Актеры — это те же дети, которые не хотят взрослеть. Потребность в игре их не покидает. Это их счастье и несчастье.

Корр.: В чем специфика музыкального театра?

О.М. Кузнецов: Наш театр сложен тем, что он музыкальный. Станиславский создавал театр как театр поющих актеров.

Корр.: Есть отличие между поющим актером и играющим певцом?

О.М. Кузнецов: Конечно, есть. Играющий певец, как правило, не актер. У него задача — исполнять арию в костюме эпохи. Они могут гениально петь, но не двигаться. У нас не много и среди больших певцов артистов, которые могут не только спеть, но и сыграть роль. Не бесцельно ходить по сцене, а играть роль, как дети. Дети органичны в своей игре, они не думают, как стоят, как двигаются. В музыкальном театре Станиславского всегда были другие ориентиры и приоритеты. Это старый разговор, что есть театр режиссерский, есть дирижерский. Можно много говорить. Каждый будет отстаивать свою правду.

Корр.: У ваших актеров особое образование?

О.М. Кузнецов: Никакое образование не дает профессиональных навыков. Оно дает теоретические знания, но стать профессионалом — это совместить теоретическую часть и практику в ежедневной работе.

Корр.: Олег Михайлович, освещается ли в прессе жизнь артиста?

О.М. Кузнецов: Смотря какого. Если говорить о «звездах», то много, подробно, а если об артистах хора — дело у нас не очень популярное, но может кто заинтересуется вашей публикацией. Тем более, если правильно это дело освещать. Была у меня не очень приятная история. Год назад появилась дама из «Независимой газеты», попросила взять интервью у артиста. Через неделю-другую вышла статья об артисте хора с иллюстрациями. Жизнь певца оперы была описана в мрачных тонах, явно амбициозно, без знания предмета, со слов всего одного человека. Я был неприятно удивлен этой статьей.

Между тем, хор и оркестр в театре — основные цеха, они и есть театр. Солистов можно пригласить. Сформировать оркестр, а тем более хор — архитрудная задача. Как правило в хор собираются люди, не певшие раньше, технически не готовые к работе, мо-

рально как бы подраненные (они ведь готовили себя к сольной карьере). Была бы система образования и воспитания хорового певца, он приходил бы сюда подготовленным, без амбиций, но с навыками. В хоре важна не столько сила голоса, сколько умение им владеть, слушать партнеров, умение оценивать себя в коллективе. Таких людей мало, стоят они дорого.

Корр.: Как Вы оказались в театре?

О.М. Кузнецов: Драматично. Был 1991 год, здесь, в театре, происходили события, связанные со сменой группы. Тогда художественный руководитель Е. Колобов покинул театр вместе с оркестром, хором. Все пришлось создавать заново. Меня пригласили в качестве хормейстера.

Корр.: Что требуется от Вас? Чем Вам эта работа нравится?

О.М. Кузнецов: Специфика работы главного хормейстера в том, что ты отвечаешь за все, что связано с понятием театрального хора, за каждого человека, за то, что он делает или не делает. Т.е. любая работа артиста хорового ансамбля — поле твоей ответственности. Есть еще руководящий состав ансамбля, он тоже является полем твоей ответственности.

Корр.: Вам сейчас труднее?

О.М. Кузнецов: Естественно. Это известная аксиома. Чем больше власти, тем больше ответственности. Помимо чисто музыкальных вопросов, существует масса других вопросов.

Корр.: Что в Вашем театре можно прийти послушать? Что вам нравится?

О.М. Кузнецов: Все. Это дело вкуса. Афиша достаточно насыщена. 14 названий только опер. Каждый спектакль по-своему интересен. Начиная с тех, которые ставил еще Станиславский, заканчивая последними постановками художественного руководителя театра А.Б. Тителя («Летучая мышь»). Их много, они разные. Средняя заполняемость зала — 85 %. Людям нравится то, что мы показываем.

Корр.: Какие у Вас любимые композиторы?

О.М. Кузнецов: Я думаю, любимые композиторы — это для I–II курса музыкального училища, когда открываешь для себя композитора. Потом этих открытий становится все больше и больше, выбрать самого любимого — занятие неблагодарное. Они все разные, каждый интересен. В свое время любил Рахманинова, такое юношеское увлечение, потом — Шостакович, Мусоргский, Прокофьев. Проще тем, кто просит исполнить по радио полонез Огинского.

Корр.: Я знаю, что Вы были регентом.

О.М. Кузнецов: Да, был регентом 7 лет, с 1985 по 1991 год, 12 лет профессионально работал в церкви.

Корр.: Что Вам дала эта работа?

О.М. Кузнецов: Многое. Как музыканту. Я пришел в церковный хор в 1980-м, с 1981-го уже работал профессионально, а регентовать я стал с 1985 года. Как

консерваторию окончил. Это целый пласт музыки, который был не изучен, искали интересные ноты, которые не издавались с 1917 года. Я для себя открыл очень много церковной музыки. Эта работа интересна в том отношении, что служба имеет некоторые параллели со спектаклем. Служба развивается по определенному уставу. Каждое песнопение строго регламентировано по времени и месту в службе. Надо хорошо знать порядок, знать, как отвечать на реплики священника, какие-то специфические вопросы. Судьба регента не завидна и до сих пор. Церковный хор очень красив, с одной стороны, с другой — ограничен средствами, составом. Мне пришлось 3 года работать в квартете. Мы обслуживали почти все службы таким составом. Это, по нашим критериям, достаточно хороший класс. Я это говорю к тому, что такая работа сильно стимулирует профессиональный рост. Там было интересно. Даже творчески интересно. После консерватории трудно было найти работу. Надо было зарабатывать на жизнь. Церковь дала мне эту возможность.

Корр.: На Вас не смотрели косо? После консерватории — в церковный хор.

О.М. Кузнецов: К тому времени нет. Скажем, лет пять до того — были бы проблемы. Я знаю, некоторых исключали из консерватории. Угрожали. В мое время — уже нет.

Корр.: Олег Михайлович, Вы человек верующий?

О.М. Кузнецов: В каждом человеке есть внутренние законы, по которым он живет. Если человек нормальный, его внутренние законы совпадают с законами, которых придерживается любая религия. Могут в чем-то не совпадать, но магистральные линии те же. Сейчас очень много появилось верующих. Я не люблю и не очень верю внешним проявлениям религиозности, особенно у молодых людей. Когда этим занимаются бабушки — это естественно, а когда молодой человек, который никогда этим не занимался, — это странно и отталкивает. Я считаю, что это вещи интимные, глубоко внутренние. Это твой внутренний закон, об этом не надо кричать.

Корр.: Вы, кроме театра, работаете еще со студенческим хором. Что Вы скажете об этой работе?

О.М. Кузнецов: Я старший преподаватель кафедры хорового пения Московского педагогического государственного университета. 15 лет назад я пришел в институт на факультет общественных профессий, как тогда это называлось, при нем организовывались хоровые группы. Была замечательный декан Н.Л. Зосимова, она пропагандировала не какое-то абстрактное приобщение к искусству, а конкретное, через участие в творческом процессе.

Корр.: А музыкально-педагогический факультет? Им положено иметь хор.

О.М. Кузнецов: У нас совершенно другая ситуация. К нам приходят люди, они когда-то занимались

музыкой в музыкальных школах, студиях. Потребность проявить себя через свое собственное участие в этом процессе сохраняется и реализуется в хоровом коллективе.

Корр.: У этого студенческого коллектива большие традиции, были и зарубежные поездки...

О.М. Кузнецов: Много было всего. У нас был период активного сотрудничества с Московским Баховским центром под руководством С. Мясоедова. Мы успели за несколько сезонов сделать очень много. «Страсти по Матфею», «Рождественская оратория» И.С. Баха, «Реквием» В.А. Моцарта. Было более 10 кантат И.С. Баха. Это наиболее крупные проекты. Причем «Реквием» Моцарта был в очень интересном варианте. Это была разработка Роберта Левина. Есть такой американский музыковед, который очень долго исследовал архивы Моцарта. На основании того, что он обнаружил, была создана партитура. Всем известно, что «Реквием» не закончен, при жизни композитор не завершил его. Доводил до законченного вида произведение его ученик. То, что это был не самый талантливый ученик, в общем-то видно. На основании этого противоречия была сделана попытка создать новую партитуру. Резонанс был большой. Это что касается программ.

Если говорить о степени сложности музыки, уровне того времени, то, кроме хора Московской консерватории, я не могу вспомнить другой студенческий хор, кто бы вел такие программы. Что касается зарубежных поездок, была интересная эпоха сотрудничества с Бахакадемией г. Штуттгарта и руководителем Хельмутом Риллингом. В течение нескольких сезонов он приглашал нас для работы над своими проектами. Например, «Stabat Mater» Дворжака, «Реквием» Верди. Там были и коллективы, и представители коллективов из многих стран Западной Европы. Были из Южной, Северной Америки. Т.е. осуществлялась идея собрать молодых людей из разных коллективов в один оркестр и хор. Совместное музицирование, конечно, на пользу, тем более, если этим занимается большой мастер. Были обменные визиты. Поездки в Грецию, Германию, Францию.

Надо учесть, что все это очень непросто в условиях экономического кризиса, тотального падения интереса к любому виду творчества. Ведущую роль в организации всех этих мероприятий сыграла Елена Евгеньевна Локшина. Самая сложная часть работы — организационная. И здесь, в Москве, тоже есть большие проблемы в организации: залы, концерты, составление программ, работа с музыкантами — все это лежало на ней. К сожалению, сейчас, с ее отъездом в Германию, мы испытываем трудности в этом плане.

Корр.: Некоторые Ваши ученики стали дальше заниматься музыкой, учиться в консерватории. Насколько я понимаю, трамплином для них был студенческий хор.

О.М. Кузнецов: Я надеюсь, что это так. Несколько ребят, занимающихся в хоре, постепенно избрали своей профессией музыку. Сейчас учится в консерватории Настя Бакастова. Она пришла в хор с математического факультета, готовится стать профессиональной певицей. Саша Аксенов уже профессиональный артист. В общем, когда мы собирались в хор, такой задачи не было. Это не форма проведения досуга, это форма реализации своих эстетических предпочтений, возможность себя проявить. Нужно потратить не один год, чтобы научиться играть на инструменте, хотя бы не раздражая своих родственников. Для того, чтобы петь в хоре, нужно только желание. Я очень часто слышу от начинающих, что нет голоса, нет слуха. Это извечное глубочайшее заблуждение. Если человек разговаривает, значит голос есть, если слышит, когда его окликают, значит слух есть. Другое дело, что не налажена координация между ними. А это достигается тренировками. У кого-то сразу, у кого-то со временем, а у кого-то может не получиться никогда. Но таких мало. Чем раньше человек начинает заниматься, тем лучше. В этом плане важно, чтобы детская хоровая культура была на должном уровне. Сейчас ее состояние довольно плачевное. На то, что делается в школе, без боли смотреть невозможно. Не будет яркой личности — не будет хора. Аксиома, которая доказана жизнью. В принципе, в самодеятельном или в профессиональном хоре, главное — личность руководителя. Если будет личность, в школе будет все на должном уровне.

Корр.: Что требуется от такой личности?

О.М. Кузнецов: Требуется фанатично быть преданным своему делу, любить людей, с которыми работаешь.

Корр.: Лично Вам что дает студенческий любительский хор? Наверняка это требует дополнительных сил.

О.М. Кузнецов: Конечно, требует. Там совершенно другое поле деятельности, другие исходные данные. В театре идет сугубо профессиональная работа по накатанному, она прогнозируемая. Меняются спектакли, меняются люди, но они приходят профессионально подготовленными. Главное — организовать, выстроить работу. В хоре другое дело. Приходят молодые люди, а работать с молодежью всегда интересно и полезно, чем больше я работаю, тем больше в этом убеждаюсь. Нужно с ней работать. Каждое поколение несет что-то другое, самому не дает закоснеть. Это удивительное ощущение, когда у человека, который практически ничего не умеет, через какое-то время начинает получаться. Это стоит видеть. Это трудная, но безумно интересная работа. Она для меня настолько же полезна, как и для этих ребят.

Корр.: Над чем вы сейчас работаете?

О.М. Кузнецов: Выпускаем «Летучую мышь». Со

студентами готовим программу Н. Schutz «Matthaus-Passion».

Корр.: Как складывается Ваш рабочий день?

О.М. Кузнецов: Рабочий день мой складывается по-разному. Могут быть репетиции с утра, спектакль — вечером, или наоборот. Когда идут прогонные генеральные репетиции — это время тяжелое. Люди пришли сегодня к 6 часам, а если они работают в первом акте — к 5, закончат часов в 11. Одеться, загримироваться — это время. В реальном спектакле это будет поменьше, конечно. Рабочее время ведь еще не ограничивается временем репетиций, существует масса других задач. Спектакли идут годами. Есть работа на перспективу. Регламентированного рабочего дня, допустим, с 9 до 17, у меня не бывает. Бывает очень много работы, бывает мало, бывает совсем нет. Ситуация изменчива. Когда выходной день вторник, это само по себе наводит на размышление. Вторник тоже могут отобрать. Когда у нормальных людей праздник, у нас — работа. Я это как бы спокойно воспринимаю. Уже 10 лет в этом режиме.

Корр.: Олег Михайлович, кто Ваши родители, из какой Вы семьи?

О.М. Кузнецов: Семья самая обычная. Папа всю жизнь на заводе проработал, мама — из служащих. Воспитывался в капелле мальчиков.

Корр.: А что это за капелла?

О.М. Кузнецов: Я уже говорил, что после войны были попытки реанимировать синодальную систему, кроме того, после войны было много детей-сирот, детских домов. Тогда некоторые подвижники создавали специализированные детские дома. Таким был В.П. Малышев, в 1946 году основал в Горьком хоровую капеллу мальчиков. То, что сейчас называется хоровым училищем. Конечно, речи не могло быть о какой-то церковной специализации, но применялся тот же принцип образовательного процесса синодальных училищ.

В 1946 году детей набирали среди эвакуированных из Ленинграда, т.к. в Горьком их было много. Я в капеллу попал в 1967 году. Руководителем был Л.К. Сивухин. Было 8-летнее образование. Оно строилось по принципу музыкальной школы со специальным предметом «хоровое пение».

Корр.: Вам хотелось бы преподавать в консерватории?

О.М. Кузнецов: Ну, это очень большая честь. Должна быть потребность передать то, что знаешь, молодым людям. У меня пока идет процесс накопления опыта, практического материала. Профессор должен быть опытным и безупречным профессионалом.

Конечно, С.И. Танеев стал профессором в 25 лет, но это был Танеев. Сейчас Московская консерватория — это серьезное учебное заведение, со своей высокой академической школой. Я думаю, в Москве хватает достойных преподавателей.

Корр.: Вы из Горького. Город вспоминаете?

О.М. Кузнецов: Да, до 19 лет жил в Горьком. У

меня там родители. В городе будут торжества по случаю 55-летия хорового училища (хоровой капеллы).

Горький в 1960-е годы был очень странным. Это сейчас вспоминают, что он древний, а тогда — это было средоточие военных производств, закрытое для иностранцев. Город разделен на 2 части: старинная верхняя часть и современная нижняя. Два разных города. Город интеллектуальный, где все концертные залы, институты, библиотеки, театры — наверху, внизу — только три дома культуры, хорошие, но, все же, дома культуры. Жил и учился я наверху, а ночевал внизу.

Все лучшее тогда было в Москве, хотя интеллектуальная и духовная жизнь была и в Горьком. Если бы капеллы в городе не было, может я и не стал бы хоровым специалистом.

Корр.: В Вашей семье есть музыканты. Ваша супруга — хоровой дирижер. Тесть — известный композитор Г.А. Струве. Это помогает взаимопониманию?

О.М. Кузнецов: Конечно. Жена — руководитель детской хоровой капеллы. Это серьезное дело. Таких капелл должно быть не десяток, как сейчас. Я имею в виду реально работающих, а не по документам, которые реально выступают, участвуют в концертной жизни Москвы. Мы занимаемся одним делом. У нас как бы разные грядки, но один огород. Мы дополняем друг друга, иногда заменяем. Дети из капеллы работают у нас в 4-х оперных спектаклях, даже в балете поют. Я помогаю, чем могу, занимаюсь хором мальчиков.

Корр.: Кроме музыки, Вам в жизни что-нибудь интересно?

О.М. Кузнецов: Работа отнимает очень много времени, и на то, что интересно, времени не хватает. В нашей стране человек вынужден очень много работать, чтобы обеспечить свою жизнь, вопрос во времени. Хотелось бы интересно отдыхать, заниматься активными видами спорта, например, горными лыжами. Это как «опять хочется в Париж». На той неделе тоже хотелось. Хотелось бы иметь время на чтение. Остается только для метро. Есть домашние заботы, дети. Я мало им уделяю внимания, они растут, им внимание необходимо.

Может, жизнь устроится покомфортнее. Пока вопрос организации досуга вызывает усмешку.

Корр.: Что-нибудь хотите сказать читателям журнала «Преподаватель»?

О.М. Кузнецов: Я знаю, что такое преподаватель. То, что преподаватели делают, — это подвиг, даже в условиях относительного благополучия в Москве. Как существуют преподаватели в российской глубинке, с чем им приходится сталкиваться... Остается только им поклониться, я надеюсь, им воздастся.

Корр.: Большое спасибо Вам за встречу и интересную беседу. Удачи!

Беседовал С.А. Васильев